

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Интертекстуальность

Интертекстуальность (от лат. *inter* — между) — диалогические или полилогические отношения между текстами. Сам термин и обозначаемое им понятие были изобретены и введены в литературоведческий обиход одним из влиятельных теоретиков постструктурализма Юлией Кристевой. Исследовательница обобщила популярные идеи о мировой литературе (шире — культуре) как универсальном интертексте, все составные части которого находятся в условиях непрерывного взаимодействия. Здесь не обошлось без модернизированной трактовки известного положения М. Бахтина, согласно которому в диалогических отношениях находятся практически все произведения, взаимодействующие не только с отраженной в них реальной действительностью, но и с автором, читателем и литературным процессом прошлого и настоящего. В самом деле, можно ли представить себе, например, «Пророка» Лермонтова как замкнутое в себе литературное явление, вне диалога с породившим его «Пророком» Пушкина, а их обоих изолированно от таинственных стихов из 6-й главы Книги пророка Исайи? Однако в дальнейшем основополагающее понятие «текст» получило неправомерно расширенное истолкование. Определенным способом записанным текстом стали считать и самого человека, в частности его сознание, жизненный и культурный опыт, и реальную жизнь как предмет искусства, и общество, и его историю, культуру и литературу.

В крайних формах постструктуралистские представления об интертекстуальности проявились в теории знака Ж. Деррида, поставившего под сомнение понятия структуры, начала и конца произведения, его название и авторскую принадлежность. Границы между сознанием человека и письменным текстом, между письмом и реальностью были упразднены — остался единый глобальный интертекст, некая «космическая библиотека» культурных кодов, напоминающая Интернет. В результате тексты различных уровней, вырвавшись на волю, стали многозначительно перекликаться и перемигиваться друг с другом, творчество трактоваться как безличная интертекстуальная игра, совершенно автономная, а главное — свободная от сознательной авторской воли. Все это дискредитировало в целом плодотворную идею и привело к произвольным манипуляциям модными, не всегда удобоваримыми терминами, то есть к увлекательной, но вполне бесцельной схоластической игре. Означает ли это, что понятие интертекстуальности не оправдывает возлагаемых на него надежд и его следует признать непригодным для серьезных научных и дидактических целей? Ни в коем случае. Очищенное от неумеренных восторгов неопитов, щедро наделивших его преувеличенной универсальностью, оно способно стать эффективным инструментом анализа действительно сложнейшей, многослойной структуры литературно-художественного произведения. Рациональное зерно

скрывающегося за ним явления заключается в том, что, согласно Р. Барту, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры». Иными словами, помимо системы составляющих единое целое структурных элементов, произведение представляет собой вместилище голосов и отголосков других произведений, предшествующих и современных ему. Впрочем, по И. Бродскому («Письмо Горацию»), диалог между живым автором и мертвым поэтом не просто возможен, но и по своим истинным последствиям исключительно актуален и значим, так что возникает соблазн включить сюда даже те произведения, которые появились после возникновения анализируемого интертекста. Речь идет не только о прямых заимствованиях, пародиях или сознательных перепевах классических образцов. В большей мере цепочка перекликающихся текстов выстраивается самопроизвольно, отчасти как отражение присущих всем временам и всем народам универсалий, отчасти же как результат эрудиции и интерпретационной изобретательности того или иного исследователя. Таким образом, любое литературное явление в принципе не является вещью в себе. У него всегда найдутся более или менее однородные аналоги, которые, взаимовыгодно отражаясь, награждают друг друга, сколько бы их ни было, дополнительными характеристиками по модели рифмы: «то и не то» одновременно (Ю. Лотман). Ни писатель, ни читатель, ни исследователь не должны трактоваться как закодированные обществом или самим Господом Богом интертексты. Но без их участия интертекстуальная игра попросту невозможна. Писатель конструирует текст с учетом творчества своих предшественников и современников, единомышленников и противников, ориентируясь на определенного, «своего» или «чужого», враждебного его идеалам читателя, на литературную или общественную ситуацию, на возможную реакцию со стороны критики,

ближайших и отдаленных потомков. Воспринимающий текст читатель вступает в диалогические отношения с автором, осознанно или волей случая выбирая именно его произведение, с критиками или исследователями, если для него чтение составляет акт высокой духовной деятельности, и тогда ему необходимо соотнести свое видение с видением профессионалов. Чуткость и проницательность его воспринимающего сознания во многом зависит от его читательского опыта, от того, какое образование он получил, кто были для него учителя, друзья и наставники. Исследователь-литературовед, с кем бы мы ни имели дело — с критиком, историком или теоретиком литературы, — призван максимально приблизиться к пониманию текста и всех заключенных в нем элементов интертекста, проникнуть в тайну основных творческих принципов, которыми руководствовался автор, а в идеале даже и превзойти его, отыскав в исследуемом произведении ассоциативные связи, которые возникли сами собой и писателем при его создании даже не предусматривались. Конечно, и ему придется считаться с запросами далеко не однородного адресата своего научного творчества. Длина интертекстуальной цепи, призванная углубить и расширить анализ конкретного текста, должна зависеть от того, к кому обращается исследователь: либо к своим коллегам, либо к учителям-словесникам, либо к беспредельному кругу читателей, который также, в свою очередь, членится на возрастные, образовательные, профессиональные и тому подобные сегменты.

Лит.: Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; Ивашкин А. Не останавливаясь в поиске // Сов. музыка. 1989. №4; Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1963; Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973; Ямпольский М. Память Тиресия. М., 1993; Федорова Л. Г. Интертекстуальность // Современный словарь-справочник по литературе. М., 1999.

О. И. ФЕДОТОВ